

Алексей Дьячков
ИГРА ВОДЫ

Книга стихов



Алексей Владимирович Дьячков

Игра воды. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305330

ISBN 978-5-4474-0562-5

Аннотация

Мало кто из современных авторов владеет искусством материализации времени так, как тульский поэт Алексей Дьячков. И мало кто делает это так безыскусно, внешне незамысловато.

Вадим Муратханов

Содержание

Узловая	6
Самоволка	8
Старая картина	10
Сестра	12
Рюмка	13
Юбилей	15
Даун	17
«К нам приходили, не знаю, как пишется...»	19
Васильевна	20
Озноб	22
Последний сонет	23
Шишка	24
Перекресток	25
Перелом	26
Авария	27
Практика	28
Апостол Петр	29
Ода Радости	31
Свобода	33
Сад Святого Григория	34
«В одном из июльских так и не узнал я...»	36
Песня	37
Папа	39

На даче в октября	41
Разлив	42
Молочный зуб	43
Миокард	44
Иванушка	46
Автопортрет	48
Пикник	50
Паломники	51
Экскурсия	52
Альбом	54
Пицунда	56
«Как мальчик в хоре открывает рот...»	57
Синий ноябрь	58
Возраст переходный	60
Первый снег	61
Четвертая смена	62
Кардиология	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Игра воды
Книга стихов
Алексей Владимирович
Дьячков

© Алексей Владимирович Дьячков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Узловая

Слово Господи молвит по радиции,
И послышится мне в тот же миг
Металлический гул, звуки станции,
Проводницы отчаянный крик.

И во тьме с нарастающим грохотом
Перед долгим затишьем пройдут
Все, что было мне близко и дорого —
Дымный тамбур, купейный уют.

И окно с белой шторкой на тоненькой
Бечеве, и прервавший свой сон —
В ночь уткнувшийся мальчик, ладонями
Заслонивший от бликов лицо.

Станный мир, в темноте утопающий. —
Он увидит и степи, и гать,
И леса, и озера, и кладбища —
Все что можно во тьме угадать.

Приспособив к ночи свое зрение,
Он узнает родные места,
С неподвижным пейзажем с селением
Совпадая чертами лица.

Самоволка

От старшины и трелей горна
Мы докатились до платформы
Сто тридцать пятый километр,
Где чахнут – улицы фрагмент,
Цистерна, кит пристанционный,
Из брюха выпавший Иона,
Акация, пивной ларек.
Но воблы нет, и пиво – йок.

Куда теперь? На звуки танцев?
На речку сонную податься?
На лодку полрубля спустить,
Отплыть под иву, закурить.
В песке весло с облезшей краской,
На мостике подросток в маске
И ластах думает о нас.
Вспорхнул с кормы павлиний глаз.

Как мылись под струей колонки,
Попутку – на стекле иконки,
Недолгий ливень, луж буль-буль,
Забег и школьный вестибюль.
Я не забуду грека, реку,
Раскаты грома, горна, эха.

Ворота части. Строй. Отбой.
Фонарь в окне над головой.

Гараж со звуками мотора.
И затяжную ночь, в которой
И я творить бы мог, как бог,
Но слово подобрать не смог...
Как под окном с парадом зарев
Лежал с открытыми глазами,
Шептал: Спаси и Сохрани!
Шептал: Спаси и Сохрани...

Старая картина

И берег, и склон, и строения те же.
Сугробов стада, и саней синий след.
Один рассекает на льду конькобежец,
Но нет детворы и охотников нет.

Природа, людей разделяя мытарства,
Уходит в себя, виновата кругом.
Стремительно солнце съедает пространство
И в узком окошке горит угольком.

Семья собралась в покосившемся доме
И смотрит, как плавится тьмы материк.
Отец, с аппетитом доев свой картофель,
Шумелки из козых копыт мастерит.

Наверно прогнулась под птицею ветка,
И ярких снежинок полет не унять.
Горохом сухим громыхает шумелка,
До смеха доводит уставшую мать.

Она подгребает угли кочережкой,
Живот обнимая свободной рукой.
Глядит из угла на семейство Алеша,
Такой молчаливый, счастливый такой.

Сестра

И когда надоел нам, как горькая редька, Маршак,
Ты открыла мне тайну и несколько раз повторила —
Чтоб услышать глухое биение пульса в ушах,
Надо спрятаться в шкаф, где пропахло бельё
нафталином.

Из космической будки, из норки, где тесно вдвоем,
В щель в фанерных щитах я увидел стволы без
скворешен,
Среднерусскую графику, мерзлую тушь, монохром,
Тусклый свет наклоненный, распутицу, дождь
неокрепший.

Под фонарик отцовский, горящий во тьме горячо,
Брату, как в платяном животе кашалота Ионе,
Дни рожденья, замужества, смерти, чего-то еще
Ты читала по книге из библиотеки районной.

Для того, пролистав, ты пугала меня темнотой,
Чтоб лицо открывать на граните в щербатом овале,
Чтобы с кладбища я возвращался уставший домой
И лежал, сжавшись, как эмбрион, в остывающей ванне.

Рюмка

На тонкой ножке ты, потея, поднялась,
Чтоб, преломив, дробить лучи, играть наливкой,
Чтобы сверкать среди салфеток, вилок, яств
На днях рожденьях, но все чащи на поминках.

Свет, собранный в пучок, уже не растерять.
Луч мечется в стекле, и не находит места
Себе, когда я глух и нем. Когда тебя
Держу, как старичок, – щепотью троеперстной.

Я успеваю на тебе остановить
Еще раз взгляд мой, что слезою затуманен.
Невидимый сосуд, чтоб пустоту хранить,
Где в каждой грани сад, и каждый ромб хрустален.

Не преданная ни земле, ни синеве —
Нетвердая слюда, которой все мы будем,
Упрямая вода, ледышка. – На тебе
Ни время след свой не оставило, ни люди.

Так бережно закат по комнате прошел.
Вода на кухне отшумела виновато.
В который раз тебя я принимаю, чтоб
Задвинуть за сервиз на полочку серванта.

Теперь уже года, как память обо мне,
Ты будешь здесь стоять и словно ждать кого-то,
Пока нас не столкнет на океанском дне
Очередной прилив всемирного потопа.

Юбилей

Отсижусь, припев отвою в голос,
Тост начну и потеряю мысль,
Чтобы утром, втиснувшись в автобус,
По родной окраине трястись.

Как зловеще трубы ГРЭС топорщит,
Над кустами провода дрожат,
Буду наблюдать без листьев рощи,
Пыль строений, выработки шахт.

Редкий дом на улочке без ставень,
Тянется, как дым, пустой рукав.
Я присяду, и легко представить,
Как прижмусь к окошку, задремав.

Вот он день мой будничный, отдельный,
С остановки в сон заползший дым,
Тяжесть празднеств, горечь дней рождений,
Счастье долгожданной пустоты.

Потрясет сосед меня за плечи,
Пробурчит: Приехали, кажись...
Выйдем мы неспешно на конечной,
Чтобы, потоптавшись, разбрестись.

Оглянусь я. – Дворник между зданий
В сумерках рассыпал купорос.
Держит вождь в пальто на пьедестале
Огненной кометы рваный хвост.

Самому себе в витрине с книжкой
Кто-то знак подав, к ларьку пошел.
Это я, зажал ладонь подмышкой.
Все путем. Мне правда хорошо.

Даун

И спускался к нам с небесной выси,
И дежурной номерок сдавал,
И сидел, разглядывая писи,
Веники, мочалки, банный пар,
В трех мирах пространство... Время оно,
Солнца полыхает уголек.
Лист березы скручен эмбрионом,
Распрямляет хвост морской конек.
Самого себя приятно слушать,
Нежится в парилке в выходной.
Хорошо стоять под теплым душем,
Покрываться гладкою водой.
Заходить с толпой такое счастье,
Шумно шлепать босиком в бассейн...
Как же тяжело не отличаться
От других. Таким же быть, как все.
Трудно быть. Стареть-рядиться, таять,
Умирая, верить в мир иной.
Бог-Отец, Бог-Сын еще куда ни
Шло, а что такое Дух Святой?
На плакате старом голубь мира.
Кто-то неспроста ведет борьбу.
Если правда, что Тобой любим я,
Как же я тогда Тебя люблю!

Я сложил огромные ладони
Лодочкой, и плачу без лица.
Лист березы в тазике не тонет...
Тонет – разворачивается.

«К нам приходили, не знаю, как пишется...»

К нам приходили, не знаю, как пишется,
Слышится – осень-весна.
С пенкой в полях елисейских колышется
Сладкий кисель из овса.
Каша сороки-воровки и ладушки,
Шапка и шарф в рукаве.
На выходные поездка на камушки
С чаем некрепким в кафе.
Фото для солнца и песню для голоса,
В книгу заложенный знак
Будет турист, не дождавшись автобуса,
Складывать в старый рюкзак.
Будет разглядывать памятник зодчества,
Сползший к реке новодел,
Пьяный узор из листвы позолоченной
В чистой, проточной воде.
Жить единицей пехотной на стрельбище,
Глохнуть от резкого дзынь!
И запустать в непричесанный ельничек
Выдыха теплый пузырь.

Васильевна

Собака топчется и не находит места
Себе между людей и табуреток двух.
Выносят бережно старуху из подъезда
Панельки – в жиденький кружок ее подруг.

Как кукла детская, свободная от духа,
Скользит к земле она, иссохшая давно,
Уже наслушавшись Кармен и Нибелунгов,
И насмотревшись черно-белого кино.

Из темноты глухой, как в лодке одноместной,
В гробу дешевом над листвою она плывет,
Сухие губы твердо сжав, – обратно в детство,
Где самолетик из бумаги ждет ее.

Где чай с ватрушками, и рис дают с подливой,
Лимон фарфоровый и ангел из фольги.
Где серый волк, коза рогатая бодлива
С тобою в комнате. И выйти не моги.

Огромный двор, не огороженный забором,
Гудит размеренно, как страшный котлован,
И воздух пахнет травяным сердечным сбором,
И придает и цвет и вес простым словам.

Снимает мама с бельевой веревки джинсы,
И в голубом тазу растет тряпья гора.
Есть белый сад, есть жизнь в саду и нет нежизни
Для умной девочки, сидящей у окна.

Озноб

Когда мы выйдем к берегу из зарослей,
К воде, легко теряющей каркас,
Пусть с черных веток ворон интернатовский
Снежинок стаи потрясет на нас.

Пусть отразит река деревья голые,
Над головами вспыхнут облака,
Частями речи, сложными глаголами,
Словами перестанем быть когда.

Запремся в дом и сложим складень зарева,
И нас, как постояльцев, впустит сон.
И дед Мазай запутает мозаику,
Нащупывая дно своим веслом.

А завтра разбуди меня до ужина,
Чтоб разглядел я синий лес осин,
Чтоб под лопаткой стетоскопом слушаю,
Угрюмый врач дышать меня просил.

Последний сонет

В библиотеке полк родных речей,
Один и тот же март цветной не тает.
Зачем в ветвях поодаль, Чаадаев,
Так много букв, как черных граачей.

Разжег огонь и в кресле спит, устав.
Лес, обступив, листом лиловым бьется.
Все снова встанет на свои места,
Когда хозяин, выпавшись, проснется.

Дом обречен погибнуть под водой.
Погасла роща и темно от боли.
В учебнике написано про смерть,
Про автора безумного и сеть,
Поставленную для удачной ловли.
Но нету в море рыбки золотой.

Шишка

Нет ни вычурной грусти, ни фальши.
Наш барак и тупик за углом.
Можно было бы мучиться дальше,
Но несчастье тебе помогло.

День любой становился все ближе,
Час любой – не однажды, не вдруг.
Чай с враньем и без косточек вишня,
И на счастье не трезвый хирург.

Ночь пришла без сестры симпатичной
И жарой подступила впритык,
И с тобой почеркала почти что
Список дел первоочередных.

Снег дешевый за форткой без марли,
Одеяла сугробы грубы.
Все еще вспоминаешь январь и
Поликлинику все еще ты.

Перекресток

Стволы в начале, роща целиком,
Потом крыльцо, курящие мужчины,
И стали – самовар, бутыл с цветком
И мы в конце концов неразличимы.

Боярышником в сумерках скользя,
Сверкает сад то суриком, то охрой.
Нет пустоты, которую нельзя
Заполнить ночью и дорогой долгой.

Состав ползет, а я гляжу в окно.
Ногой качая, тюкаю об стену,
И слышу голос, слышанный давно:
Вернись домой и жизнь счастливой сделай!

Чужого сна ломается каркас,
И прячется в листве тугая завязь.
Как будто это было много раз
Со мной, но никогда не повторялось.

Перелом

Кто лежал больной под лампой матовой,
Рисовал квадратики, круги?
Написал пять строчек, разрабатывая
Мелкую моторику руки.

В сквер перед чугунным председателем
Вышел, сладкий раскурив Казбек.
Дым затяжки выпустил старательно,
Как медузу медленную, вверх.

Кроны лип и облака овальные,
Друг за другом вставшие слова —
Золотыми рыбками аквариумными
Укачали ласково меня.

Все неправда, сам себя морочил я.
Жизнь чужая, вымученный дар.
Почему же несколькими строчками
Так легко тебя я оправдал?..

Авария

У дедушки в деревне осень —
Отклеился от клина гусь.
Грудь тракториста, йоксель-моксель,
По-детски наполняет грусть.

С ним штрифель на понятной фене
Сад обсуждает и подруг.
Лес, сжавшись, как китайский веер,
На солнце распустился вдруг.

Без умолку шуршат деревья,
Тревожат задремавших птиц,
Чтоб в поисках уединенья
По первоснегу разбрестись,

Пред Нивой, с трассы сползшей боком,
Вдруг встать, как ледяной костер.
Из-за руля чтоб вышел кто-то
И галстуком очки протер.

Практика

Так молчала она или что отвечала,
Наблюдая бегущие титры начала
На протертой от пыли мерцающей линзе,
Выгнув руку, как в танце медлительном Илзе.

Или, чай заварив из пакетов бумажных,
Разливала по чашкам и слушала дальше,
Как не врет ухажер, отгребая варенье,
Пустоту заполняя болтливым волненьем.

Как легко после смены соблазну поддаться —
Книгу в библиотеке на фабрике ткацкой
Сунуть под олимпийку, как знамя в сражение,
И уйти с безразличным лица выраженьем.

Но, кино заглушив, били ходики гулко,
И, как время, ссыпалась песком штукатурка,
И звучала тоска, будто вправду все было,
Или песня без слов в конце серии мыла.

Апостол Петр

А сторожа дедушка вынь да полож!
Алеш! – ходит по двору, – Где ты, Алеш?
Известкой ствол яблони мажет.
Заката в калитке встает полоса.
Сдвигает фуражку старик на глаза
И вслед уходящему машет.

Ни заросли хмеля, репья, лебеды,
Ни дом, ни качели уже не видны,
Ни вишня, ни грядки картошки.
И дед не уходит, все машет внучку,
Сливаясь с листвой, погружаясь во тьму,
Все машет широкой ладошкой.

Томят меня осени тихая грусть
И сырость. Я знаю, я скоро проснусь,
На грудь потяну одеяло.
На бок повернусь, но не скрипнет кровать,
И буду лежать и глаз не открывать,
Дышать чабрецом и тимьяном.

Встает то стеной, то обрывом земля.
Враскачку относит течение меня,
И плеском баюкает осень.

Молитву творят на холме горячо...
Не слышно мне слов, но я знаю, о чем
Мой дед Богородицу просит.

Ода Радости

Артист на часах командирских колесико
Завода подкрутит, послушает ход,
И жадно попив кипяченой из носика
Вполголоса арию Князя споет.

Попьет, побряхтит, пошуршит занавесками,
Пройдет в коридор, плащ накинёт, пора.
И вся коммуналка его половецкими
Напевами с богом проводит в ДК.

Нырнет разведенка на кухню и включит нам
Поля яровые, воюющий мир.
И школьник ее, голой Махой измученный,
Проскачет из-под одеяла в сортир.

Вплывут в коридор не в халатах, а в платяцах
Березки ансамблем под трели рожка,
И следом за ними всплывет старшеклассница
С усами не смытых разводов снежка.

И выйдет алкаш из-за ширмы не выпавшись,
И что-то сипато прошепчет себе.
И выйдет так горько, что словом не выразишь,
Когда он на коврик сползет по стене.

Медбратья, цыгане с медведем и танцами,
И с гаснувшей свечкой беззубый дьячок,
И бабки в платочках толпою потянутся,
И в кофточке с алым значком дурачок.

С рыданием и смехом нежданные гости к нам
Нагрянут, и щели рассолом залиют.
Куда же податься из ванной мне, Господи,
Где я перед зеркалом пыльным стою?

С мешками, морщинами, с раннею лысиной,
Укус комариный до крови растер,
Контуженный светом и желтыми листьями,
Что за ночь с березы прибрал мародер.

Не щелкну щеколдой, не выйду под занавес,
Пошарю в карманах – брелок без ключа,
Союз, коробок, затанусь и возрадуюсь,
Пока в дверь испуганно не постучат.

Газеты не ровно на тазике сложены.
Не якорь, а брюки забросил матрос.
Спокойно! Встречайте меня, краснокожие,
Я стеклышки вам из-за моря привез!

Свобода

И не должен был вечер ненастьем
Завершиться – все ждали закат.
Но пришлось подниматься на насыпь,
Возвращаться по шпалам назад.
Звяк тревожный, железнодорожный,
Гул дождя, прочий шум, всякий вздор —
Если чуть поднапрячься, то можно
Различить в звуках странный узор.
И поедет мелодия сразу,
Будто только что выло в ушах,
И слова потекут не напрасно,
И подстроятся тут же под шаг.
Чтобы выскочил образ, как заяц, —
Чтобы в мертвом застыть столбняке,
Все слова позабыть опасаясь...
И забыть, но пойти налегке.

Сад Святого Григория

Теперь, когда сбылись Твои пророчества,
Чем жить мне? – снегом, лесом у реки.
Дорогой в лагерь – чтобы в одиночестве
Вокруг барака нарезать круги.

В фаянсовом патроне электричество
Трещит. И не молчит вода в трубе.
Дождаться на морозе симфонических
Раскатов из тарелки на столбе.

По снегу хрупать в валенках под тиканье
И цокот скрипок – склад, хозблок, медчасть.
Как выгнулось блестящими гвоздиками
Разорванное небо различать.

О чем мечтать, тропой шагая узкою,
Когда давно сбылось все, вот вопрос!
Есть чистый снег, классическая музыка,
И ночь, и сухоцвет холодных звезд.

О чем мечтать мне, зеку с желтой лысиной,
О чем произнести так страшно вслух? —
Чтоб и во мне так поднялась, так выросла
Гармония, которая вокруг?..

«В одном из июльских так и не узнал я...»

В одном из июльских так и не узнал я
Короткий, но яркий денек.
С утра поплескался в реке баттерфляем,
В обед потянулся в тенек.
По памяти радость и сладкое счастье,
И радуг цветной порошок.
И волны бежали, и тучи сгущались,
Но дождик так и не пошел.
За тенью домой возвращались из плена
Герои потрепанных книг
И старец Гомер, осудивший Елену
За гибель троянцев лихих.
И долго паром у причала качало,
Ломало волну пополам.
И долго читал, забывая начало,
Я толстый-претолстый роман.
Волшебная клинопись, странная стружка,
Рисунок ограда-лесок.
Разбилась упавшая с елки игрушка —
Скрипит под ногами песок.

Песня

Пусть утро воскресенья холодом
Узор наметит на стекле.
В обратной перспективе комнаты
Весь мир откроется тебе.

Замрут растения и кружева,
На пиджачке блеснет значок.
И будет, расширяясь – суживаюсь,
Осваивать углы зрачок.

Полку́ цветные книжных корочек,
Застывший вдруг бумажный шторм.
За тюлью, сдвинутой от форточки,
Двор с отраженьем снежных штор.

А там и школьный свет, и знание,
Что ждать от выходного дня:
С собакою прогулка дальняя —
К Штыкам, до Вечного огня.

По засеке, где пары прячутся
В кустах от любопытных глаз.
Зимой рыбак с фанерным ящиком
У пруда нас встречал не раз.

Он как-то угостил ирискою,
И мне открылись вдруг – еще
Стихотворенья ненаписанного —
Протяжный свист, тугой щелчок.

Папа

В треу́хе кроличьем взъерошенном,
В пальто с воротником косым,
Зачем меня ты обнадеживал? —
На Новый год приеду, сын!

Весь день. Все зимние каникулы.
Январь весь со сплошной пургой.
За что меня и не окликнул так
Никто. — Алеша, дорогой!

Пуškai не мне дорога дальняя.
Бронхит. Продленка. Карантин.
Я был дежурным по страданию.
Весь год с письмом твоим ходил.

Я мучился и сном и совестью.
Я мерз, но не спешил домой.
За то, что я такой особенный. —
Любимый мамой. Не тобой.

За то, что наступала ранняя
Весна. Но я был ей не рад.
И вербы ветка, как царапина,
Алела в воздухе весь март.

На даче в октября

В кувшине талая вода,
Огонь вытягивает лица.
Куда ты завела меня,
Рассудка слизкая мокрица?

Чему нас научила жизнь?
Войти в реки глубокий вырез
Так, чтобы волны разошлись,
Как никогда не расходились.

Разлив

Нагрязнул и сгинул – Ни здрасте
И ни до свиданья тебе.
Со снегом уходят пространство
И без отраженья Тибет.

Махнет из-за гор напоследок
Косынкой лесок вдалеке,
И облака сахарный слепок
Растает бесследно в реке.

И мы, и не мы – а другие,
Оставив в отеле подруг,
Разглядываем, как круги на
Воде разбегаются вдруг.

Молочный зуб

Не допрыгнул атлет до перины,
И метатель прервал свой разбег.
Стадиона Динамо руины
Засыпает рождественский снег.

В гипсе традиционное лето
Бог с веслом и турист налегке.
Крутит обэриут пируэты
В одиночку на старом катке.

А в сугробах трибунные грядки,
И сухое колонн молоко
Убывают себе без остатка,
Как какое-нибудь рококо.

Но снежок продолжает вертеться
Собирать по земле облака,
На катке дивный вечер из детства
Сохраняет мне память пока.

Миокард

В кабинет заползала акация,
И топтались в тени тополя.
Кардиолог на жизнь с интонацией
Виноватой мне год оставлял.

И минтай дожевав с макарониной,
Я из корпуса топал с толпой,
И сидел, не нарушив гармонии,
На скамейке с больной головой.

Покрывалась черемуха крестиком,
Раму брат, матерясь, мастерил.
И фонтан со скульптурой бездействовал
С грязным спекшимся снегом внутри.

Но росло мое сердце и знанием
Наполнялось. Тем знанием, что
Выражать научился словами я
Когда возраст другой подошел.

Когда слива осыпалась спелая
И сиял влажный сад чистотой.
И лежал, вспоминая Гомера, я
На диване в квартире пустой.

Иванушка

Станиславу Красовицкому

С участка не видна скамейка
На берегу, где спит волна,
Но в ограждение есть лазейка,
А дальше приведет тропа.

Когда утихнет отделение,
Угомону настойкой пульс,
И в поисках уединенья
К косе песчаной удалюсь.

Как сосны, расшатались нервы,
Как нерка, разыгрался страх.
В окошко: Все нормально, – мне про-
Сигнализирует сестра.

Кусты, кусты, прутки ограды,
Овраг, стена, и – моря гул.
Нырок в листву – и вот награда,
Мой пост ночной на берегу.

Черты свои теряет вечер,

И птичий наступает пир.
Вокруг нас сложен и изменчив
Не нами сотворенный мир.

Как хрупкий минерал в породе,
Сжат месяц тьмой до синевы.
Нас долго не было в природе,
И может никогда не быть.

Но быстро я теряю голос,
И долго тянутся года.
В природе не было давно нас,
И быть не может никогда.

Мытарства нам страшнее боли,
И серебра дороже медь.
Но от тоски безмерной в поле
И мы выходим, чтобы петь.

Автопортрет

Пух летал над очкастым историком,
Расплетался у школьницы бант,
Когда в зале читальном за столиком
Я тяжелый листал фолиант.

Виноград с металлическим привкусом,
Пучеглазых дельфинов бока,
И людей и богов я пролистывал,
Не наткнулся на Леду пока.

В медь звенящую больше не верилось,
Не осталось от пира гостей.
Это Леда, любимая лебедем,
В беззащитной своей нагоде

Над водой выгибается облаком —
Капли вдруг по воде семят.
Тело лебедя тесное, плотное
Выпускает наружу меня,

Поднимаясь над твердью стремительно,
Задеваю созвездья плечом,
Становлюсь строчной выгнутой литерой —
Тихим библиотечным червем.

Пикник

Шуршит грибник в посадке ветками.
Аукают издалека.
Как троица ветхозаветная,
Расселись дети на пенях.

Родителя пугает конница
Листвой, исписанной давно, —
Он в ящике пустом устроился,
Солому постелив на дно.

Кому он быть хотел бы сторожем,
Тот не воспитывал меня,
А у пустых бутылок горлышки
корявым пальцем проверял.

Мне не за что просить прощения,
Пуская виновато дым,
Ведь я всю юность в ополчении
Акустиком служил простым.

Паломники

Ползем неторопливо на пароме
К постройкам монастырским вдалеке.
Над нами небо, бэби, бобэоби,
И перед нами небо – на реке.

Флаг мельтешит на мачте без надежды.
Помощник отвечает головой:
Найн пива, капитан! А тот мятежный
Все ищет бурю, топает ногой.

Теперь и мы, дружок, пьяны без пива.
И нам хватает солнца, чтоб весь путь
Развязано, легко, неторопливо
Балакать ни о чем. О чем-нибудь.

Корыто наше борется с теченьем
И путается речь. Но мы, дай Бог,
До берега дойдем без приключений,
К строфе четвертой выровняем слог.

Экскурсия

Мы входим всем классом в таинственный зал.
Поэт здесь Наталье записки писал.
По детскикаляки-маляки
Пером выводил на бумаге.

Он думал: Господь не оставит меня!
Поехал на речку в конце января,
Размазав в сердцах эпиграмму,
И в сенцах махнув лимонаду.

Катилась, как солнце на ярмарку, жизнь.
По граду замерзшему сани неслись.
И зарево в колбе горело,
Но шуба медвежья не грела.

На грязной раздаче игралась игра.
Поэт не заметил в ветвях снегиря,
Он думал о небе огромном,
По снегу скрипя, по сугробам.

Под треск снежных сучьев исчезло все в миг,
И музыка, и незаконченный стих.
И лес, и фасады Растрелли,
И мертвенный сумрак музея,

И сон мой, и воспоминанье о сне.
И вот я молчу в тишине. В пустоте.
И тает, как снег, мое знанье.
И сам я, как снег, – расставанье.

В музейном буфете ни часа, ни дня.
Класс по расписанью забыл про меня.
И чай исчезает. И блюдец.
И только слова остаются.

Альбом

Фильм такой. Он берет фотокарточки
И о каждой слова говорит.
Вот с командой футбольной на корточках —
После матча коленка болит.

В майке мятой на майские праздники
Под картошку рыхлит целину.
Вот он, пруд, где ловили карасиков.
Как-то вытащил щуку одну.

Старый дом и сарай с детским великом.
Прислоненное к вязу весло.
И Дейнеки простор белый, ветреный
Из поездки на юг в не сезон.

Стол на даче с зашкуренным выступом,
По стаканам разлитый кефир.
Вот, как перед болезненным приступом,
Открывается сказочный мир.

Дни заляпаны охрой и суриком,
Расползается осени рать.
На странице в сентябрьские сумерки
Слов о радости не разобрать.

Пицунда

Море. Мясо. В сотах мед.
Чистый пляж. Пустые урны.
За сосной гора встает,
Как развал макулатурный.

Сброд купейный. Борщ в чалме.
Делят перламутр перловки.
Тетка. Братья Дыр, Бул, Щер,
И сестра их Припять с полки.

Двор тенистый, старый дом.
Челентано сладко воет.
Еле слышен палиндром,
Набегающий волною.

До свиданья, сладкий сон.
Фотография на память.
Крайний справа. Пара слов.
Орфография хромает.

«Как мальчик в хоре открывает рот...»

Как мальчик в хоре открывает рот,
Но не поет, а смотрит как, покинув
Карниз, снег начинает свой полет
(зима такая, видно, за грехи нам),

Я тоже за окно перевожу
Мой взгляд с рядов мальчишек и девчонок,
И песни обреченной слышу шум,
И вдруг мне открывается о чем он.

Раскрыло тело мягкое земля,
Бог щедрою пригоршней сеет звезды.
Я чувствую покинутым себя
И погружаюсь в океан, как остров.

Снег, покружив, на лавочку присел.
И песня, отшумев свое, умолкла.
Искать ответа надо не на все
Вопросы – а на правильные только.

Синий ноябрь

Дождаться сумерек с их светом грустным.
Размяться, от безделья устав,
Развеяться на воздух потянуться
В мой сквер, в другие людные места.

Чтоб время убивать за рисованьем,
Вернуться. Уголь, тюбики белил.
Пустырь, температура плюсовая.
Тяжелый снег деревья облепил.

Такой же хмурый день свиданья с братом.
Не сложно вспомнить – снег, больничный двор.
Как с капельницей топал из палаты
Беспомощно в больничный коридор.

Как робко по линолеуму шаркал,
Запоминая ромбиком узор.
И было так пронзительно, так жалко
Себя, родных, врачей и медсестер.

В кровати слушал гул автомобильный,
Боялся карамелькою шуршать,
Электрокабель будто отрубили,
И в темноте приходится дышать.

Возраст переходный

В мой домик щитовой заглядывало море,
В кладовую, в комод,
В прихожую, где шкаф с таблетками от моли,
Где лыжи, огород.
И, лежа на тахте ребенком-переростком,
В пол-уха слушал я,
Как топала волна вверх по скрипучим доскам,
Как старая жена.
И песня ямщика, не близкая подмога,
Звенела как могла,
И бездна на меня густой сиренью бога
Глазела из окна.
И уходил волчок, и ножик перочинный
Терялся в тихий час.
И пустота меня сурово жить учила —
Не рыпаться, молчать.
Ночь напролет лежать, с постели жаркой крошки
Стряхнув. И ждать, когда
Сквозь шорох взвизгнет вдруг, с заезженной дорожки
Всю пыль собрав, игла.

Первый снег

Прогремел поздней осени выстрел,
Вышел лес из воды без листвы.
У ручья, не наполнив канистру,
Я, как куст без движенья, застыл.

Съехал розовый дом за ограду,
Глины масляный срез заалел,
Чтоб сойтись в перспективе обратной,
Как в воронке, в моей голове.

Чтоб открыл я, все пестрые части
В день единый осенний собрав,
Не в свободе, не в праздности счастье. —
Сыпет крохами счастья зима.

Хватит света теперь за глаза мне. —
Склон пылает, и поле горит.
Бог придет к человеку внезапно
И ни в чем его не укорит.

Четвертая смена

Ворота в лагерь с белым аистом,
Дорога пыльная, сады.
Забыл, как местность называется,
И день, и год какой забыл.

Как лес потрескивал, попискивал,
Динамик пел наоборот.
На стенде кольца олимпийские,
Восьмидесятый, значит, год.

Мы долго, значит, не расстанемся,
Расплачемся, костер сложив.
Под вечер дискотека с танцами,
Обида, значит, на всю жизнь.

За что? Зарядка, суп фасолевый.
Висишь, как плеть, на турнике.
За то, что все равно особенный,
Так и не понятый никем.

Кардиология

Палата с неработающим теликом.
В саду шуршит опилками магнит.
А в темноте с зелеными оттенками
Твое молчанья золото горит.

Страдает бабка злая в рыбьем тереме,
Сжимает крепко выданный обол.
На пустыре, где клумба в запустении,
Играет кто-то с внуками в футбол.

Мне подтянул суровый деда помочи,
Под подбородком шапку завязал,
И сунул пирожок с начинкой облачной,
Чтоб на морозе я не замерзал.

И я потопал на уроки пения,
Труда, осуществления надежд.
И я прошел падение империи,
И повторил родительный падеж.

Уверенно один с портфелем кожаным
Шел по воде, не видел берегов.
И только останавливался может быть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.